

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ОБЪЕКТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Маскайкина Е.А.²

Ключевые слова: цифровое пространство, киберпространство, информационное право, государственные информационные системы, объект правоотношения, цифровизация, цифровая трансформация, платформенная экономика, информационная безопасность, суверенитет.

Аннотация

Цель: исследовать процессы становления и эволюции цифрового пространства как объекта правового регулирования, выявить теоретико-правовые основы их формирования, а также определить этапы развития российского законодательства в данной сфере. Рассмотреть трансформацию подходов к регулированию интернет-отношений от фрагментарных норм к системному регулированию платформенной экономики. Заострить внимание на ключевых проблемах, связанных с разграничением понятий «цифровая среда» и «цифровое пространство», а также на противоречии между традиционными методами императивного регулирования и трансграничной природой цифровых сред.

Методы исследования: общенаучные методы анализа и синтеза, исторический и формально-юридический методы, а также системный подход, позволивший рассмотреть цифровое пространство как сложный многоаспектный информационный предмет, по поводу которого складываются общественные отношения, требующие правового опосредования.

Результаты исследования свидетельствуют, что эволюция цифрового пространства прошла путь от фрагментированной сети Интернет до сложных платформенных экосистем и государственных информационных систем. Обоснована необходимость разграничения понятий «цифровизация» и «цифровая трансформация» как самостоятельных, хотя и взаимосвязанных феноменов. Показано, что классическая методология императивного регулирования, основанная на территориальном принципе, утрачивает свою регулятивную силу в условиях трансграничности цифровых сред. В российском законодательстве прослеживается эволюция от первых актов информатизации (Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ, Указ Президента РФ от 20.01.1994 № 170) к принятию Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ, заложившего системные основы регулирования, и в последующем — к Федеральному закону от 31.07.2025 № 289-ФЗ, что создало предпосылки для осмысления правовых режимов государственных информационных систем.

Новизна исследования состоит в системном анализе становления цифрового пространства как самостоятельного объекта правового регулирования. Обоснована целесообразность применения концепции И.Л. Бачило о замене категории «объект правоотношения» на «предмет отношений» применительно к информационным правоотношениям в цифровой среде. В рамках предложенного подхода выделены и охарактеризованы четыре технологических этапа развития сети Интернет, каждый из которых требовал качественно новых правовых решений. Особое внимание уделено разграничению понятий «цифровая среда» и «цифровое пространство», а также соотношению цифровизации и цифровой трансформации, что позволяет уточнить понятийный аппарат информационного права. Предложена периодизация российского законодательства в сфере регулирования цифровых отношений, включающая переход от косвенного регулирования к специальному регулированию платформенной экономики.

DOI: 10.24412/1994-1404-2026-3-277-284

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

² **Маскайкина Елена Александровна**, руководитель Проектного офиса Центра управления изменениями, аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: elena.maskaykina@bk.ru

Введение

Исследование процессов становления и эволюции цифрового пространства в качестве объекта правового регулирования объективно требует предварительного уточнения понятийно-категориального аппарата, используемого в рамках настоящей работы. В теории информационного права сохраняется дискуссия относительно структуры правоотношения и места в ней таких фундаментальных категорий, как «объект» и «предмет», от разрешения которой непосредственно зависит методология анализа конкретных форм цифрового пространства и их правовых режимов [1—3]. В юридической доктрине сохраняется дискуссия о структуре правоотношения и разграничении категорий «объект» и «предмет» правового регулирования: не сложилось единого понимания того, что именно выступает объектом правоотношения в цифровой среде: информация, данные, цифровое пространство как таковое или складывающиеся по его поводу общественные отношения, а также как это соотносится с предметом правового регулирования.

Данная теоретическая неопределённость приобретает особую практическую значимость в контексте реализации национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», выступающего одним из ключевых направлений государственной политики Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Целевыми ориентирами названного национального проекта определены цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы, что предполагает обеспечение кибербезопасности, бесперебойного доступа к сети Интернет, подготовку квалифицированных кадров для ИТ-отрасли, развитие отечественных цифровых платформ и программного обеспечения, внедрение техно-

логий искусственного интеллекта, а также формирование устойчивой системы цифрового государственного управления. Каждое из этих направлений связано с необходимостью определить правовой режим объектов, возникающих в цифровой среде, а также субъектов, осуществляющих деятельность в этой среде, соответственно, требует определенности относительно определения объекта и предмета для соответствующих правоотношений.

В условиях ускорения технологического прогресса и возрастания угроз в киберпространстве вопросы обеспечения цифрового суверенитета приобретают характер приоритетных при решении стратегических задач [4]. В связи с изложенным уточнение понятийного аппарата и выработка единообразных подходов к правовому регулированию цифровых пространств становятся не только доктринальной, но и практико-ориентированной необходимостью, обеспечивающей правовую определённость в условиях формирования экономики данных.

Теоретические и концептуальные основы исследования цифрового пространства как объекта правового регулирования

В современной теории права сложились две основные концепции понимания объекта правоотношения. Согласно монистической теории, единственным объектом могут выступать лишь действия субъектов, поскольку именно поведение людей подвергается правовому регулированию. Плюралистическая теория, напротив, исходит из многообразия объектов, которые столь же различны, сколь разнообразны сами регулируемые отношения: это могут быть как материальные блага и ценности, так и действия, поведение участников, ради которых субъекты вступают в правоотношения.

Таблица 1

Сравнительный анализ классических теорий понимания объекта правоотношений и концепции И.Л. Бачило

Критерий сравнения	Монистическая теория	Плюралистическая теория	Концепция И.Л. Бачило
Понимание объекта	Исключительно действия и поведение субъектов	Многообразие благ: вещи, ценности, действия	Отказ от объекта; введение предмета отношений
Ключевой вопрос	На что направлено правовое воздействие?	Какое благо мотивирует вступление в отношение?	По поводу чего возникло отношение?
Критерий объекта	Единый: поведение участников отношения	Отсутствует: открытый перечень благ	Единый: наличие информационного объекта
Информация как объект	Не признаётся	Признаётся, но без чёткого критерия	Признаётся предметом информационных отношений
Связь с предметом регулирования	Не устанавливается доктриной	Не устанавливается доктриной	Устанавливается через родовую категорию

Традиционный спор между монистической и плюралистической теориями по своей сути является спором о критерии: что именно следует признавать объектом правоотношения. Монистическая теория настаивает на единственном критерии — поведении, но тогда за рамками анализа остаётся информация. Плюралистическая теория отказывается от единого критерия, признавая объектами всё многообразие благ, но тем самым лишает категорию «объект» аналитической строгости. В этой связи особенно значимой представляется концепция, разработанная И.Л. Бачило. Автор обосновывает целесообразность отказа от классического элемента «объект правоотношения» с заменой его категорией «предмет отношений» (материальный или виртуальный), под которым понимаются все виды *информационных объектов*³. Данный подход позволяет, во-первых, преодолеть доктринальный спор между монистической и плюралистической концепциями, во-вторых, достичь терминологической унификации путем соотнесения предмета конкретного правоотношения с родовой категорией «предмет правового регулирования».

В рамках предлагаемой концепции элементами информационного правоотношения выступают:

1. субъекты (участники); как отмечает Н.А. Троян, «развитие системы информационных и цифровых отношений сопровождается появлением новых субъектов и объектов информационного права, внедрением наукоемких технологий, формированием новых информационных пространств» [5];
2. предмет отношений — информационный объект (то, по поводу чего возникли отношения);
3. содержание правоотношения — совокупность субъективных прав и юридических обязанностей участников;
4. меры ответственности.

Представляется, что применение данной концепции к исследованию становления и развития цифрового пространства является научно обоснованным и эвристически продуктивным. Именно цифровое пространство (от фрагментированной сети Интернет до государственных информационных систем) является сложным многосоставным информационным предметом, по поводу которого складываются общественные отношения, требующие соответствующего правового регулирования. Развитие экономики данных, снижение значения географических пространств, возможность развития многосторонних связей [6] неизбежно приводят к эволюции цифрового пространства (переход от простых форм к сложным, от централизованных архитектур к децентрализованным, от информационно-коммуникационных систем к иммерсивным виртуальным мирам).

Цифровое пространство определяется в доктрине как «глобальная сфера информационной среды, состоящая из взаимозависимой сети инфраструктур информационных технологий, включая Интернет, телекоммуникационные сети, компьютерные системы и встроенные процессоры и контроллеры»⁴. Существует широко распространенное мнение о том, что оно не является физически определенным местом, а преодолевает границы, реализуясь в любом физическом или временном измерении. Это сокращенный термин, который относится к среде, созданной слиянием совместных сетей компьютеров, информационных систем и телекоммуникационных инфраструктур.

Цифровое пространство характеризуется доступностью информации, поэтому представляется логичным его отождествление в любых пространственных измерениях, например, на земле, в открытом море, международном воздушном пространстве или космическом пространстве, т. е. возможна его характеристика как общемирового пространства. Все эти аспекты позволяют сделать справедливый вывод о том, что цифровое пространство не находится под исключительным суверенитетом одного государства, но отдельные элементы его инфраструктуры и информационные процессы подчиняются территориальной и государственной юрисдикции. Например, оборудование, составляющее технологическую инфраструктуру, необходимую для функционирования цифрового пространства, находится на территории конкретного государства; принадлежит самому государству или корпорациям; его функционирование обеспечивается национальной электрической сетью⁵. Интеграция физических компонентов технологической инфраструктуры, расположенных на территории того или иного государства, в глобальную среду цифрового пространства не может быть истолкована как отказ от осуществления территориального суверенитета. Кроме того, государства фактически активно развивают в своей контрольно-надзорной деятельности и принцип информационного суверенитета, предполагающий полноту государственной власти по контролю над распространением информации на своей территории.

Таким образом, под цифровым пространством понимается сложный многосоставный информационный объект (предмет отношений), объединяющий технологическую инфраструктуру (сети, информационные системы, технические средства), информационные ресурсы и цифровые процессы, по поводу которых

³ Бачило И.Л. Информационное право : учебник. М. : Юрайт, 2020. 420 с.

⁴ Joint Chiefs of Staff. Joint Publication 1-02: U.S. Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms (Nov. 8, 2010, as amended through February 15, 2016). URL: https://fas.org/irp/doddir/dod/jp1_02.pdf (дата обращения: 20.06.2018); Schaap A.J. Cyber Warfare Operations: Development and Use under International Law // Air Force Law Review. 2009. № 64. P. 121, 126.

⁵ Kastenbergh J.E. Non-Intervention and Neutrality in Cyberspace: An Emerging Principle in the National Practice of International Law // Air Force Law Review. 2009. 64(43). P. 64.; Svantesson J.D.B. Borders on, Border Around — The Future of the Internet // Albany Law Journal of Science & Technology. 2006. Vol. 16. P. 433—435.

складываются общественные отношения, требующие правового опосредования.

Историко-правовые этапы развития цифрового пространства

Процесс становления цифрового пространства в качестве самостоятельного объекта правового регулирования представляет собой сложную, многоаспектную эволюцию. Ее исходной точкой можно считать возникновение фрагментированной сети интернет, которая впоследствии привела к формированию сложных платформенных экосистем, а на текущем этапе к появлению государственных информационных систем. Указанный процесс зависит от темпов цифровизации, развития платформенной экономики, что закономерно формирует потребность в выработке новых правовых механизмов.

В развитии глобальной сети Интернет традиционно выделяют несколько ключевых этапов, каждый из которых менял характер общественных отношений и ставил новые задачи перед учеными и законодателем.

1) Первый этап (середина XX века) носил экспериментальный характер: формировались базовые протоколы передачи данных, создавались первые информационно-коммуникационные системы (преимущественно для военных нужд). Правовое регулирование на этой стадии отсутствовало, так как технологии не выходили за пределы применения в конкретных сферах, не становились массовыми.

2) Второй этап, приходящийся на 1990-е годы, связан с глобализацией сети Интернет, использованием её для массового применения. Интернет стал значимым фактором социально-экономического развития. Активное формирование трансграничных коммуникации, электронной коммерции обусловило необходимость первоначального правового осмысления необходимости правового регулирования, поскольку предыдущие модели регулирования уже не обеспечивали стабильность и безопасность формирующихся общественных отношений.

3) Третий этап, известный как «Web 2.0», изменил архитектуру сетевого взаимодействия. Распространение социальных платформ и сервисов пользовательского контента привело к тому, что источником формирования, генерации информации стали сами пользователи, а не владельцы ресурсов. Данная трансформация породила новые социальные практики и феномен цифровой идентичности, однако одновременно усложнила процесс решения задач по правовому регулированию в части ответственности за распространяемый контент, защиту персональных данных и установление пределов алгоритмической модерации.

4) Современный, четвёртый этап, ознаменовался принципиальным изменением: цифровая среда перестает быть пассивным полем для коммуникации и превращается в активный инструмент, который сам начинает выступать способом регулирования протека-

ющих в ней отношений [7]. Если ранее сеть выступала преимущественно как коммуникационная инфраструктура, то сегодня она сама становится инструментом нормативного воздействия. Распространение алгоритмического управления, интеграция технологий искусственного интеллекта и развитие децентрализованных архитектур формируют модель, близкую к концепции Л. Лессига «code is law»: программный код и технические стандарты фактически определяют допустимое поведение пользователей, подменяя или дополняя традиционные правовые предписания. В этих условиях закладываются институциональные основания для метавселенных, способных функционировать как квазиавтономные социальные системы с собственными механизмами нормотворчества и разрешения споров.

В научной литературе, как справедливо отмечают Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев и Н.В. Кроткова, необходимо различать понятия «цифровизация» и «цифровая трансформация». Цифровизация представляет собой процесс перехода на цифровые технологии, внедрение информационных технологий в отдельные функции и деятельность, ранее выполнявшиеся без их использования. В отличие от этого, цифровая трансформация — более сложный феномен, охватывающий широкий спектр изменений, связанных с применением цифровых технологий, и ориентированный на комплексное, стратегическое преобразование процессов с целью адаптации к изменяющимся условиям и создания новых ценностей [8]. Авторы обоснованно заключают, что цифровизацию необходимо рассматривать как один из важнейших процессов цифровой трансформации, а не как её синоним.

При этом история правового регулирования сети Интернет существенно короче истории самой технологии и насчитывает немногим более 30 лет. Наиболее интенсивное развитие законодательство получило на втором этапе технологической эволюции, когда глобализация сети и её коммерциализация сделали очевидной потребность в унифицированных нормах. Многие государства, в том числе Российская Федерация, с середины 2000-х годов начали последовательно стремиться к выработке всеобъемлющего подхода к регулированию. Однако, классическая методология императивного регулирования, основанная на территориальном принципе и государственном суверенитете, начинает утрачивать свою регулятивную силу в условиях трансграничности платформенных экосистем и виртуальных миров. Возникает объективное противоречие между динамикой технологического развития и статичностью традиционных правовых механизмов.

Существенным фактором, объясняющим позднее появление прямых нормативных предписаний, является исходно низкая степень вовлеченности широких масс субъектов в интернет-отношения и, как следствие, их незначительная экономическая значимость для национальных экономик. Правовое регулирование, как правило, возникает там, где формируется устойчивый массовый интерес, требующий защиты.

В российском контексте следует отметить, что, несмотря на отсутствие прямого законодательного регулирования в 1990-е годы, интернет уже активно использовался в отдельных отраслях экономики и способствовал складыванию самобытной интернет-субкультуры. В этот период отношения регулировались преимущественно стихийно формирующимися локальными нормами интернет-сообществ (так называемыми «нетикетом» и обычкновениями), а также общими конституционными положениями. В частности, статьи 23, 24 и 29 Конституции РФ, закрепляющие права на тайну переписки, неприкосновенность частной жизни и свободу информации, создавали конституционную основу, которая могла быть применена и к отношениям в цифровой среде, хотя и не содержала специальных механизмов реализации.

Точкой отсчета для системного правового регулирования в России, по обоснованному мнению В.Б. Наумова, следует считать принятие Федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»⁶. Данный нормативный акт⁷ заложил фундаментальные понятийные основы (такие как «информация», «информационные ресурсы», «информатизация») и определил общие принципы работы с информацией, создав тем самым необходимую базу для будущего отраслевого законодательства. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что указанный закон не содержал прямых норм, регулирующих функционирование сети Интернет как таковой, и не учитывал ее специфики. Дальнейшим шагом в развитии косвенного регулирования стало принятие Федерального закона от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи»⁸, который создал технико-юридические предпосылки для признания юридической значимости действий, совершаемых в электронной среде, и стимулировал развитие электронного документооборота. Таким образом, формирование правового режима цифрового пространства происходило постепенно, путем наслоения общих и специальных норм, отражая усложнение самой технологической и социальной реальности.

Учитывая, что право служит своеобразным отражением всех проявлений суверенитета, поскольку право не «привязано» лишь к обществу или государству и способствует обеспечению жизнедеятельности социальных субъектов права [9]: людей, социальных общностей и объединений, логика развития цифрового пространства, пройдя этап становления глобальной сети, закономерно привела к формированию более

сложных образований — платформенных экосистем и, в перспективе, метавселенных. Данная эволюция не могла не отразиться в праве, которое вынуждено адаптироваться к усложняющейся структуре общественных отношений. Важнейшим этапом этого процесса на современном этапе стало принятие Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»⁹, ознаменовавшего переход от фрагментарного регулирования интернет-отношений к системному осмыслению платформенной экономики как самостоятельного правового феномена. Параллельно с этим возникают вызовы, связанные с внедрением концепции Web3, основанной на децентрализации и распределенных реестрах, а также с развитием метавселенных — иммерсивных виртуальных миров, претендующих на автономную социальную организацию. В этом контексте особую роль играют гибридные модели регулирования, сочетающие императивные государственные предписания с саморегулированием и техническими стандартами.

Показательным примером такой гибридности (в научной литературе выделяется подход, согласно которому уровень информационного или цифрового развития определяется сформированностью рынков информационных объектов, включая рынок информационных систем [10, с. 6]) выступает платформа «ГосТех», которая, не являясь самостоятельной государственной информационной системой, представляет собой «цифровую экосистему создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем, включающую единую программно-аппаратную среду, цифровые продукты платформы «ГосТех», информацию, информационные технологии, а также совокупность нормативных правовых, организационных, методологических правил и процедур, обеспечивающих деятельность участников отношений, возникающих в связи с созданием и функционированием платформы «ГосТех»¹⁰, то есть инфраструктурную среду, объединяющую множество государственных информационных систем и тем самым демонстрирующую новый уровень публично-правового управления цифровым пространством.

Становление правового фундамента для указанных процессов происходило постепенно, начиная с первых актов, заложивших основы государственной политики в сфере информатизации. К числу ключевых документов раннего этапа относится Указ Президента РФ от 20 января 1994 г. № 170 «Об основах государствен-

⁶ Наумов В.Б. Развитие интернет-права в России: право в сетях XXI века. СПб., 2016. URL: <http://www.russianlaw.net/files/law/doc/aa71.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

⁷ Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 8. Ст. 609.

⁸ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 127.

⁹ Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 31. Ст. 4643.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 16.12.2022 № 2338 (ред. от 08.09.2025) «Об утверждении Положения о единой цифровой платформе Российской Федерации “ГосТех”...» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 52. Ст. 9610.

ной политики в сфере информатизации»¹¹. Данный указ, хотя и не содержал прямых упоминаний сети Интернет, сыграл важную роль, впервые на высшем уровне подчеркнув стратегическое значение информатизации для социально-экономического развития Российской Федерации. Он определил приоритеты формирования национальной информационной инфраструктуры, что впоследствии создало концептуальную базу для более детального регулирования. Следующим значимым шагом стало утверждение Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (Указом Президента РФ от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895). На доктринальном уровне впервые были обозначены угрозы, возникающие в процессе использования сети Интернет, и определен вектор защиты национальных интересов в информационной сфере, включая противодействие киберпреступности и обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры. Понятие «Интернет» начало активно использоваться лишь в начале 2000-х годов, а прецеденты, как известно, не являются источником права в российской правовой системе, указанные акты сформировали необходимые предпосылки для перехода к целенаправленному нормативному регулированию интернет-отношений.

Впервые на доктринальном уровне угрозы, связанные с использованием сети Интернет, были обозначены именно в этих документах. Там же определили и вектор защиты национальных интересов в информационной сфере, включая противодействие киберпреступности и обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры. Понятие «Интернет» начало активно использоваться лишь в начале 2000-х годов. Прецеденты, как известно, источником права в российской правовой системе не являются. Однако перечисленные акты создали необходимые предпосылки для перехода к целенаправленному нормативному регулированию отношений в интернете.

Подлинно переломный момент в развитии российского цифрового законодательства наступил с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹². Этот закон пришёл на смену устаревшим актам: Федеральному закону № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (1995 г.) и Федеральному закону № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене» (1996 г.). В нём консолидировали и модернизировали понятийный аппарат. Именно в ФЗ № 149-ФЗ впервые на законодательном уровне закрепили такие ключевые термины, как «информационные технологии», «информационная система», а также упомянули сеть «Интернет». Закон носит межотраслевой характер:

в нём есть и частноправовые нормы (например, регулирующие договоры в электронной форме), и публично-правовые предписания (касающиеся ограничения доступа к информации, обязанностей операторов и т. д.). Принятие ФЗ № 149-ФЗ можно считать моментом зарождения системного цифрового законодательства: он не только урегулировал базовые отношения, но и заложил механизмы для дальнейшего отраслевого нормотворчества.

Параллельно с развитием общего информационного законодательства меняли и смежные институты. Например, в Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» неоднократно вносили изменения. Так устраняли технико-юридические противоречия, уточняли терминологию в части использования усиленных квалифицированных электронных подписей. Эти изменения обеспечили юридическую значимость электронного документооборота и создали доверие к цифровым транзакциям. Ещё один важный шаг — принятие Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе». Он ввёл понятия «электронные денежные средства», «перевод электронных денежных средств», заложил правовые основы для функционирования цифровых финансовых сервисов: мобильных банков, онлайн-платежей. Все перечисленные изменения не носили глобального революционного характера, но они последовательно устраняли нормативные лакуны и адаптировали правовую систему к реалиям цифровой экономики.

В итоге формирование нормативных дефиниций, выработка базовых принципов регулирования и настройка смежных институтов подготовили национальную правовую систему к новому этапу цифровизации. Именно этот фундамент позволил перейти к специальному регулированию платформенной экономики, которое воплотилось в ФЗ № 289-ФЗ (2025 г.). Тогда же создались предпосылки для осмысления правовых режимов метавселенных. Дальнейшее развитие, скорее всего, будет связано с поиском баланса между традиционными государственными механизмами и саморегулируемыми протоколами Web3. В этой перспективе роль права может трансформироваться: от прямого предписания — к установлению рамок и стандартов для алгоритмического регулирования.

Заключение

Проведённый анализ становления цифрового пространства как объекта правового регулирования показал: эволюция прошла путь от фрагментированной сети Интернет до сложных платформенных экосистем и государственных информационных систем. Представляется, что единый универсальный правовой режим, охватывающий всё многообразие форм цифрового пространства, в строгом юридическом смысле вряд ли может быть сформирован в обозримой перспективе ввиду радикальной неоднородности регулируемых

¹¹ Указ Президента РФ от 20.01.1994 № 170 «Об основах государственной политики в сфере информатизации» // Российская газета. 1994. № 19.

¹² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

объектов и различий в национальных подходах. Целесообразно говорить о едином типе правового режима цифрового пространства, который реализуется через иерархическую систему «зонтичных» общих норм и специализированных подрежимов для отдельных видов цифровых сред.

При этом государственные информационные системы нуждаются в более глубоком специальном регулировании, чем цифровые платформы. Террито-

риальный принцип стал недостаточным и требует сочетания с трансграничными и экстерриториальными механизмами. Формирование российского цифрового законодательства прошло этапы от первых актов информатизации до принятия отраслевого законодательства о платформенной экономике, что создало предпосылки для системного осмысления публично-правового режима государственных информационных систем.

Литература

1. Минбалеев А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 31—36.
2. Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации : монография / Отв. ред.: Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. М. : Институт государства и права, 2022. 368 с.
3. Волков Ю.В. Структура информационного отношения и правоотношения // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 7 (145). С. 1—6.
4. Полякова Т.А., Троян Н.А. Стратегические задачи обеспечения технологического и цифрового суверенитета: правовые аспекты формирования новой информационной среды // Правовая информатика. 2025. № 1. С. 70—78.
5. Троян Н.А. Цифровая трансформация и технологическое развитие как основа инновационного прогресса: стратегические ориентиры для достижения технологического лидерства // Правовая информатика. 2025. № 4. С. 227—234.
6. Минбалеев А.В. Формирование экономики данных в России в условиях многополярного мира: проблемы правового обеспечения // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 8. С. 956—963. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-8-956-963.
7. Ладенков Н.Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 164—168.
8. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Цифровая трансформация как правовой феномен и ее влияние на развитие информационного права и законодательства // Государство и право. 2025. № 11. С. 204—219.
9. Трансформация информационного права : монография / Отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. М. : Институт государства и права РАН, 2023. 256 с.
10. Акжитов Е.А. Тенденции рынка информационных систем управления транспортной логистикой // Корпоративные информационные системы. 2019. № 2. С. 1—10.

SECTION:
REGULATORY INFORMATICS

FORMATION AND DEVELOPMENT OF DIGITAL SPACE AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION¹³

Maskaikina E.A.¹⁴

Keywords: digital space, cyberspace, information law, state information systems, object of legal relations, digitalization, digital transformation, platform economy, information security, sovereignty.

¹³ The article was prepared as part of the implementation of the Strategic Academic Leadership Programme "Priority 2030".

¹⁴ **Elena A. Maskaikina**, Head of the Project Office of the Change Management Centre, Ph.D. student at the Department of Information Law and Digital Technologies of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation.
E-mail: elena.maskaikina@bk.ru

Abstract

Purpose of work: to investigate the processes of formation and evolution of digital space as an object of legal regulation, identify the theoretical and legal foundations of their formation, and determine the stages of development of Russian legislation in this area. To examine the transformation of approaches to regulating Internet relations from fragmented rules to the systemic regulation of the platform economy. To focus on the key problems associated with distinguishing between the concepts of “digital environment” and “digital space”, as well as on the contradiction between traditional methods of imperative regulation and the cross-border nature of digital environments.

Research method: general scientific methods of analysis and synthesis, historical and formal legal methods, as well as a systemic approach, which made it possible to consider digital space as a complex, multi-component information subject in relation to which social relations arise that require legal mediation.

Results of the study indicate that the evolution of digital space has progressed from a fragmented Internet network to complex platform ecosystems and state information systems. The necessity of distinguishing between the concepts of “digitalization” and “digital transformation” as independent, although interrelated, phenomena is substantiated. It is demonstrated that the classical methodology of imperative regulation based on the territorial principle is losing its regulatory force under the conditions of the cross-border nature of digital environments. Russian legislation demonstrates an evolution from the first acts on informatization (Federal Law dated 20.02.1995 № 24-FZ, Decree of the President of the Russian Federation dated 20.01.1994 г. № 170) to the adoption of Federal Law dated 27.07.2006 № 149-FZ, which laid the systemic foundations for regulation, and subsequently to Federal Law dated 31.07.2025 № 289-FZ, thereby creating the prerequisites for understanding the legal regimes of state information systems.

Novelty of the study lies in the systemic analysis of the formation of digital space as an independent object of legal regulation. The expediency of applying I. L. Bachilo’s concept of replacing the category “object of legal relations” with “subject matter of relations” with regard to information-related legal relations in the digital environment is substantiated. Within the framework of the proposed approach, four technological stages of Internet development are identified and characterized, each of which required qualitatively new legal solutions. Particular attention is paid to distinguishing between the concepts of “digital environment” and “digital space”, as well as to the relationship between digitalization and digital transformation, which makes it possible to clarify the conceptual framework of information law. A periodization of Russian legislation in the field of regulating digital relations is proposed, including the transition from indirect regulation to special regulation of the platform economy.

References

1. Minbaleev A.V. Transformatsiia regulirovaniia tsifrovyykh otnoshenii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGlU). 2019. No. 12 (64). S. 31—36.
2. Novye gorizonty razvitiia sistemy informatsionnogo prava v usloviakh tsifrovoy transformatsii : monografiia / Otv. red.: T.A. Poliakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. M. : Institut gosudarstva i prava, 2022. 368 s.
3. Volkov Iu.V. Struktura informatsionnogo otnosheniia i pravootnosheniia // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2024. No. 7 (145). S. 1—6.
4. Poliakova T.A., Troian N.A. Strategicheskie zadachi obespecheniia tekhnologicheskogo i tsifrovogo suvereniteta: pravovye aspekty formirovaniia novoi informatsionnoi sredy // Pravovaia informatika. 2025. No. 1. S. 70—78.
5. Troian N.A. Tsifrovaia transformatsiia i tekhnologicheskoe razvitie kak osnova innovatsionnogo progressa: strategicheskie orientiry dlia dostizheniia tekhnologicheskogo liderstva // Pravovaia informatika. 2025. No. 4. S. 227—234.
6. Minbaleev A.V. Formirovanie ekonomiki dannykh v Rossii v usloviakh mnogopoliarnogo mira: problemy pravovogo obespecheniia // Ekonomika i upravlenie. 2023. T. 29. No. 8. S. 956—963. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-8-956-963.
7. Ladenkov N.E. Transformatsiia pravovoi sistemy pod vlianiem tsifrovizatsii: prichiny i tendentsii // Filosofiya prava. 2021. No. 1 (96). S. 164—168.
8. Poliakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Tsifrovaia transformatsiia kak pravovoi fenomen i ee vlianie na razvitie informatsionnogo prava i zakonodatel'stva // Gosudarstvo i pravo. 2025. No. 11. S. 204—219.
9. Transformatsiia informatsionnogo prava : monografiia / Otv. red. T.A. Poliakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. M. : Institut gosudarstva i prava RAN, 2023. 256 s.
10. Akzhitov E.A. Tendentsii rynka informatsionnykh sistem upravleniia transportnoi logistikoi // Korporativnye informatsionnye sistemy. 2019. No. 2. S. 1—10.

